П. А. СОРОКИН

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ, ЕГО СВОЙСТВА И ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ

1. ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

«Сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия» — таков основной принцип науки вообще. Он в полной мере применим и к войне. Следствия, вызывавшиеся и вызываемые ею, поскольку условия, в которых она происходила, были более или менее подобны, эти следствия были довольно сходны и в прошлом, и теперь. Задача нижеследующих строк — краткая характеристика основных эффектов межгосударственной и гражданской войны, порождаемых ею в области состава населения, его свойств и общественной организации. Все другие, и весьма многочисленные, «функции» войны, взятой как «независимое переменное», в задачу данной статьи не входят.

Начнем с характеристики тех изменений, которые война вызывает в составе населения воюющих и, отчасти, нейтральных стран.

Основное следствие войны в этой сфере явлений состоит в уменьшении населения и в изменении его качественного состава или в своеобразном отборе, производимом войной.

Это положение звучит очень скромно, но стоит чуть-чуть развернуть его содержание, чтобы понять те катастрофические результаты, которые этот бич человечества вызывает во всей общественной жизни и истории воюющих народов. Чем больше вникаешь в изучение этих следствий, тем более и более значительную роль в объяснении сдвигов в общественной жизни, в развитии и падении целых народов приходится придавать войне. Перейдем к сухим фактам и цифрам. Они красноречивее «пышных фраз и жалких слов».

Уменьшение населения вызывается войной прямо, в виде непосредственных жертв войны — убитых, раненых и т. д., и косвенно — в виде повышения смертности и уменьшения рождаемости гражданского населения воюющих, а отчасти и связанных с ними нейтральных стран. Это в одинаковой мере относится ко всякой значительной войне, как к межгосударственной, так и к гражданской. Общее количество прямых жертв войны за время исторического существования человечества, конечно, не может быть даже приблизительно установлено. Можно только сказать, что оно огромно, так как войны существовали всегда и особенно часты и беспощадны были в древности, среди первобытных и диких народов, для большинства коих война — «постоянное занятие»[1]. Отдельные данные, сохранившиеся в истории, за достоверность коих, однако — для древних времен, — ручаться нельзя, таковы для отдельных войн[2].

В памятниках Ассиро-Вавилонии мы встречаем цифры в 260 000 и в 20 000 «подвергнутых острию меча» разными Ассурназирабалами. Война Китая 233–263 гг. прямо и косвенно уменьшила его население с 50 млн. до 8, гражданская война 754–760 гг. вызвала уменьшение населения Китая с 45 млн. до 9. В более позднее время статистика населения Китая — числа семейств в связи с обложением — дает весьма резкое понижение количества населения в годы некоторых войн и междоусобий, например, в 1795–1797 гг., 1813–1814 гг. и др[3].

В Европе осада Сиракуз стоила (по Белоху) афинянам 20 000 человек; в Теламонской битве римляне умертвили около 40 000 кельтов; число италиков, убитых в Ганнибальской войне, по Моммзену, было не менее 300 000. Цезарь в 10 лет Галльской войны уничтожил, по Плутарху, из 3-миллионного населения Галлии один миллион и т. д.

Эти цифры, поскольку они хотя бы приблизительно верны, говорят о том, что уже в древности жатва войны была весьма обильной.

Более достоверны данные о прямых жертвах войны XIX и XX вв. По данным Mulhall, общее число прямых жертв войны 1793–1877 гг. в Европе и в Соединенных Штатах исчисляется в 4 470 000 человек[4].

[1] См. подробно об этом *Steinmetz.* Die Philosophie des Krieges, 1907; *Vaccaro.* Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat, 1898; *Wesrermarck.* The origin and development of the moral ideas, 1908. Vol. I. P. 331–382 и др.; *Сорокин.* Преступление и кара, подвиг и награда. — 1914, 374 и сл.

[2] См. указанные работы *Штейнметца, Ваккаро, Сорокина.*

[3] *Parker.* A Note on some Statistics regarding China // Journal of the Royal Statist. Society. 1899. P. 151–156.

[4] *Mulhall.* The dictionnary of statistics. — 1903. P. 586.

Близки к этой цифре данные и других лучших статистиков (Lagneau, Levasseur, Berndt). Если прибавить сюда убитых и раненых англо-бурской войны 1899–1902 гг., Русско-японской войны 1904–1905 гг., Балканской войны 1912–1913 гг., итало-турецкой и америко-испанской войны, то общая цифра прямых жертв войны с конца XVIII в. до войны 1914–1918 гг. будет не менее 5,5–6 млн. — цифра весьма и весьма внушительная. С 1914-го по 1918 г. эта цифра значительно увеличилась. Точные данные о военных потерях за эти годы вполне еще не установлены. Приблизительные данные о потерях главных воюющих стран таковы.

Döring общее число погибших на войне солдат Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии считает близким к 6 миллионам: 2 млн. с лишним для Германии, 1,5 млн. для Австрии, 1,1 млн. для Англии с колониями, 1,4 млн. для Франции[5]. Не так далеки от этих цифр и данные, имеющиеся в Statesman's Year Book 1919–1921 гг.[6] По этим данным, прямые военные потери за 1914–1918 гг. таковы (в тыс. чел.):

	Франция	*Англия с колониями*	*Италия*	*Германия*	*Соед. Штаты*	*Сербия*	*Португалия*	*Россия*
Убито		659	425	1580				
Умерло от ран и болезней	1458	213	72	—	80	370	2	1000[7]
Пропало без вести	245	359	—	260	—	—	—	3911, в том числе и пленных
Ранено	2700	2059	950	4000	206	—	5	3748

Присоединяя сюда данные Döring об убитых Австро-Венгрии (кроме

[5] *Döring.* Великая война и естеств. движение населения. Пер. в Вестнике статистики 1920 г. № 5–8, 42, 36–40.

[6] Данные сообщены С. А. Новосельским, которому и приношу глубокую благодарность, ибо книги из-за границы почти не поступают.

[7] В. Михайловский число убитых и умерших от ран и болезней России считает равным примерно 2,5 млн. См. Труды Центр. статист. управления. Т. I. Вып. 3. М., 1921 г., 4. Так как он не сообщает источников, на основании коих он дает эту цифру, и так как данные С. А. Новосельского основаны на результатах комиссии, специально занимавшейся этим вопросом, то я и привожу их, а не данные Михайловского.

убитых и умерших от ран и болезней Болгарии, Румынии, Бельгии и др. воевавших государств), общее число убитых и умерших от ран и болезней исчисляется в 7358 тыс. человек. Если прибавить к ним убитых и умерших от ран и болезней других воевавших государств, то эта цифра будет не менее 8 000 000. Прибавим сюда число пропавших без вести и взятых в плен (к сожалению, в данных большинства государств пропавшие без вести не отделены от взятых в плен), число коих в таблице достигает 4612 тыс. человек, из коих число погибших никак не менее 1500 000, мы получаем общее число прямых жертв войны не менее 9,5–10 млн. по самому скромному подсчету.

Такова жатва последней войны одними убитыми и погибшими от ран и болезней. Жатва, как видим, весьма обильная. Смерть собирала за эти годы отличный, поистине небывалый урожай.

Но увы! 10 млн. жизней — не весь сбор смерти, а только часть его, и то не главная. Уменьшение населения, производимое войной, не исчерпывается убитыми и погибшими от ран и болезней среди армии. Война уменьшает и гражданское население, оказывая весьма резкое влияние на его «естественное движение», то есть на рождаемость, брачность и смертность последнего.

В этом отношении влияние всех крупных войн, глубоко затрагивающих жизнь населения, однообразно. В отношении брачности оно состоит в понижении числа браков в годы войны и в резком повышении их после войны. В отношении рождаемости — в понижении ее спустя 9 месяцев после начала войны и в повышении ее спустя 9 месяцев по окончании войны. В отношении смертности гражданского населения — в повышении последней.

Благодаря падению рождаемости и росту смертности война вызывает значительное уменьшение гражданского населения, в большинстве случаев превосходящее число прямых жертв войны. Хотя после войны число браков и рождений обычно повышается, а смертность падает, тем не менее, вопреки довольно распространенному мнению, это послевоенное повышение рождаемости и понижение смертности никоим образом не покрывает дефицита, вызванного годами войны.

Приведу для иллюстрации несколько цифр, отсылая читателя за более подробными данными к нижеуказанным статьям[8].

[8] См. *A. B. Wolfe.* Economic Conditions and the Birth-Rate after the War // The Journ. of Polit. Economy, june. 1917, 521–542; *С. А. Новоселъский.* Война и естественное движение населения. Общ. Врач., янв. 1915; *Его же.* Влияние войны на естественное движение населения; *S. W. Nixon.* War and national vital statistics with special

Австро-итальянская война 1859 г. в Австрии вызвала понижение коэффициента брачности с 17,3 в 1858 г. до 14,8 в 1859 г.; рождаемость пала с 43,2 в 1859 г. до 40,6 в 1860 г.

Прусско-датская война 1864 г. в движении населения Дании вызвала следующие изменения: брачность в год войны понизилась на 25% против средней за предшествующие четыре года, рождаемость на 4%, общая смертность повысилась на 24%, детская на 20%.

При прусско-австрийской войне 1866 г. в Австрии брачность в 1866 г. понизилась по сравнению со средней за четыре предшествующие года на 22%, рождаемость в 1867 г. — на 7%, общая смертность повысилась на 36%, детская — на 8%.

С 1867 г. наблюдается обычные после войны повышение брачности и падение смертности, с 1868-го — повышение рождаемости.

Франко-прусская война 1870–1871 г. вызвала следующие изменения в движении населения Франции и Пруссии.

На 1000 гражд. населения

	Франции:			*Пруссии:*		
Годы	*Умерло*	*Родилось*	*Сочеталось браком*	*Умерло*	*Родилось*	*Сочеталось браком*
1868	24,9	25,4	15,6	27,4	36,9	17,6
1869	23,5	25,7	16,6	26,0	37,9	17,8
1870	27,5	25,5	12,0	26,1	38,3	14,8
1871	33,4	22,6	14,4	28,4	33,8	15,8
1872	22,0	26,7	19,6	29,3	39,7	20,6
1873	23,3	26,0	17,8	28,0	39,6	20,3

Из этих цифр ясна картина обычного влияния войны на движение населения.

Эффекты Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Русско-японской войны в движении населения России были таковы:

reference to the Franco-Prussian war // Journ. of the Royal Statist. Society 1916, июль; *Ch. Gide.* La reconstitution de la population française. Revue de la Sociologie, 1916. 139 и сл., а затем общие работы *Майра.* Статистика и обществоведение *Левассера*: La population française, *Cauderlier*'a. Les lois de la population и др.

На 1000 населения

Годы	*Сочеталось браком*	*Родилось*	*Умерло*	*Умерло женщин*	*Умерло детей 0–1 года на 100 родившихся*
1875	19,4	51,5	34,6	32,9	26,6
1876	16,8	50,6	34,9	33,0	27,8
1877	14,8	49,6	34,4	32,6	26,0
1878	18,4	47,3	38,2	36,2	30,0
1879	20,4	50,2	34,8	33,0	25,2
1880	19,2	49,7	36,1	33,9	28,6
1902	17,2	49,1	31,5	29,9	25,8
1903	17,8	48,1	30,0	28,3	25,6
1904	15,2	48,6	29,0	28,2	23,2
1905	15,6	44,9	31,8	29,9	27,4
1906	19,2	47,0	29,9	28,1	24,3
1907	17,8	47,2	28,5	26,7	23,2
1908	16,0	44,7	28,3	26,4	24,7

Брачность в первый год турецкой войны упала на 21% ниже средней предыдущих четырех лет, в первый год японской войны — на 13%; рождаемость на второй год упала на 8%, смертность повысилась на второй год войны.

Сходные же явления мы видим и во время сербско-болгарской войны 1885 г., во время Балканской войны 1912–1913 гг., гражданской войны в Америке, а ранее — во время наполеоновских войн и Крымской войны (для населения России).

Естественно, что эти эффекты войны должны были проявиться и в последней войне, и проявиться особенно резко благодаря длительности и тяжести последней. И действительно, во всех воюющих государствах (кроме Англии) по сравнению с 1913 г. с первого же года войны мы видим резкое падение брачности.

Движение браков в главнейших странах в абсолютных числах было таково (в тыс.):

Годы	*Великобритания*	*Франция (77 депар.)*	*Италия*	*Венгрия*	*Германия*
1913	342,6	247	264	195,0	513,3
1914	352,8	169	252,2	153,8	460,6
1915	420,4	75	185,7	68,1	278,2
1916	333,5	108	105,9	62,9	279,1[9]
1917	310,5	158	96,6	75,7	—
1918	344,4	177	—	—	—
1919	413,1[10]	—	—	—	—

Из этих цифр ясно резкое понижение брачности с первого же года войны. Исключение представляет Великобритания. Но если учесть, что в 1914 и 1915 гг. ее армия была очень незначительной, что она была наемной и только с 1916 г. была введена всеобщая воинская повинность, причем женатые были освобождены от службы, то будет совершенно понятно повышение брачности в 1914–1915 гг., которое и здесь в дальнейшем сменилось ее снижением, хотя и более слабым, чем в других странах.

В процентном отношении брачность, по вычислениям Döring, в сравнении с 1913 г. понижалась так:

Годы	*Германия*	*Пруссия, Бавария, Саксония*	*Венгрия*	*Франция*	*Англия и Уэльс*	*Шотландия*
1914	10%	10%	—	31,5	+3	+3,9
1915	46%	45%	66,5	69	+26	+7,7
1916	—	44,5%	65	56	−2,3	−6,5
1917	—	38%	58	36	−9,8	−9,5
1918	—	29%	—	—	—	+2,74[11]

Что касается России, то для всей нашей страны процент снижения брачности в годы войны пока не известен. Несомненно только то,

[9] По данным The Statesman's Year Book 1919–1921 гг.

[10] Без Ирландии.

[11] *Döring*, 16. 41.

что это понижение имело место. Некоторое представление о нем дает движение брачности для Петрограда и Москвы. Данные для этих городов таковы:[12]

Годы	*В Петрограде*	*В Москве*
1912	6,5	5,8 (Средняя за 1910–1914 гг.)
1913	6,3	
1914	6,0	5,5
1915	5,0	4,1
1916	4,7	3,9
1917	8,5	5,3
1918	9,2	7,5
1919	20,7	17,4
1920	27,7	19,6[12]
1921 (перв. пол.)	26,7	—

В этой таблице, весьма красноречивой, наряду с влиянием революции ясно влияние войны: с 1914 г. брачность падает до 1917 г., когда фактически, а потом и юридически мы вышли из войны. Фантастическое повышение брачности в последующие годы — результат, с одной стороны, обычного повышения брачности после войны, когда реализуются задержанные — в данном случае за 3 года — браки, с другой — следствие революции и юридически путем изменения законодательства о браке и разводе. И фактически путем изменения нравов и морали, ослабляющей силу тормозов, поведения, ограничивающих половые рефлексы[13], с третьей — следствие голода и своеобраз-

[12] См. «Красная Москва» 1917–1920, 64. Данные для Петрограда привожу по ст. С. А. Новосельского, печатающейся в V вып. «Материалов по статистике Петрограда», любезно предоставленной мне в рукописи автором. В этой статье даются более точные данные по сравнению с данными, опубликованными им в I–III вып. «Материалов», основанными на предварительных итогах.

[13] То же замечалось и при других революциях, в частности, при революциях 1789, 1848 и 1905–1906 гг. (у нас). Революция, растормаживая у населения множество рефлексов, обессиливает и те, которые тормозят половое распутство, легкомысленное отношение к браку и т. п. Что это так — свидетельствуется у нас колоссальным расцветом внебрачной половой жизни юношества, небывалым

ных условий жизни в эти годы, при которых жить в одиночку было труднее, чем вдвоем, в четвертой — следствие некоторых материальных выгод, например, предоставления приданого боевого пайка женам армейцев и т. д. и пр.

С теми или иными изменениями это понижение брачности за годы войны имело место во всем населении России.

Рядом со снижением брачности мы видим и резкое падение рождаемости во всех воюющих странах спустя 9–10 месяцев после начала войны. Это видно из следующей таблицы, дающей абсолютное число родившихся за годы войны. Число родившихся (живыми) было (в тыс.):

ростом разводов, чрезвычайно краткой продолжительностью части вновь заключаемых браков и т. п.

На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 развода — цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 было продолжительностью менее одного года, из них 11% — менее одного месяца, 22% — менее двух месяцев, 41% — менее 3–6 месяцев, и лишь 26% — свыше 6 месяцев. Беру эти данные из печатающейся в V вып. «Материалов по статистике Петрограда» ст. С. А. Новосельского, любезно предоставленной мне автором. Эти цифры говорят, что современный легальный брак — форма, скрывающая, по существу, внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям «клубники» «законно» удовлетворять свои аппетиты.

В этом отношении кривая браков за годы революции у нас, по существу, представляет движение кривой внебрачных связей, обычно повышающуюся в периоды революций. Так, в Париже в течение 20 месяцев после закона 1792 г. (о разводе) суды постановили 5994 развода, а в VI г. число их превысило число браков. Число брошенных внебрачных детей, не превышавшее в 1790 г. 23 000, в X г. было более 63 000. Число подкидышей увеличилось до крайней степени. «13–14-летние дети вели себя так, что их слова и поведение были бы скандальными и для 20-летнего человека». «Узда половых инстинктов была ослаблена. Летом в очередях разыгрывались сцены человеческой животности и парижского озорства. Девки открыто занимались своим ремеслом. Издали слышался их разнузданный смех; место для них (в тени бульваров) было удобно; многие из них принесли свои матрацы и предаются открыто всякой мерзости... Мужчины... бросаются на женщин и обнимают их одну за другой» и т. д. *Taine,* Les origines de la France contemporaine, 1885. III, 108, 499. И Эттинген, Ваппеус, Энгель, и др. статистики констатировали резкий подъем половой распущенности, изнасилований, половых преступлений и внебрачных рождений в 1849 г. Например, внебрачные рождения в Саксонии были в 1849 г. на 14–15% выше, чем средняя за 10 предшествующих лет; attentats aux moeurs во Франции со 100–200 поднялись до 505 и т. д. См. подробности и цифры у *Oettingen.* Moralstatistik. 1882. 240, 311.

Годы	*Великобритания*	*Франция*	*Италия*	*Венгрия*	*Германия*	*Австро-Венгрия*
1913	1,103	604	1,122	736	1,839	1,680
1914	1,102	594	1,114	727	1,819	—
1915	1,125	382	1,109	512	1,383	1,160
1916	987	315	882	314	1,032[14]	795
1917	851	343	691	297	—	745
1918	850	399	—	—		715[15]
1919	889	—	—	—	—	—

Из этих цифр ясно резкое падение рождаемости. По косвенным вычислениям Döring рождаемость по сравнению с 1914 г. понижалась таким образом:

в Германии

с 1 мая	1915 г.	по 30 апреля	1916 г.	понизилась на	37%
—«—	1916 г.	—«—	1917 г.	—«—	45%
—«—	1917 г.	—«—	1918 г.	—«—	52%
—«—	1918 г.	—«—	1919 г.	—«—	47%

Годы	*В Англии с Уэльсом (сравн. с 1914 г.)*	*Во Франции (сравн. с 1913 г.)*
1915	7%	38%
1916	10,5%	58%
1917	24%	58%
1918	24,5%	55%[16]

Тот же процесс имел место и в России. Рождаемость начала падать уже в 1915 г[17]. К сожалению, точных данных для всей России с 1914 г. не имеется. Некоторое представление о падении дает движение

[14] Данные The Statesman's Year Book 1919–1921.

[15] Данные *Döring*. Op. cit. 32–3.

[16] Ц. ст. 33–35.

[17] Труды Центр. стат. упр. Т. I. В. 3, 2.

о рождаемости за годы войны в Петрограде и Москве. Оно было таким:

На 1000 населения родилось

Годы	*в Петрограде*	*в Москве*
1912	27,6	—
1913	26,4	1911—1328,9
1914	25,0	31,0
1915	22,5	27
1916	19,1	22,9
1917	17,8	19,6
1918	15,5	14,8
1919	13,8	17,5
1920	21,8	(1 пол.) 21,9[18]
1921 (1 пол.)	36	—

По вычислениям Döring, если принять 1913 г. в качестве нормы, то понижение рождений к июлю 1919 г. составило
в Германии 3,6 млн

Австро-Венгрии	3,8 млн
Великобритании и Ирландии	0,85 млн
Франции	1,5 млн
Итого	9,75 млн

Около 10 млн рождений потеряли эти четыре страны за год войны. Если же прибавить сюда другие страны, то общая сумма потерянных рождений в самом лучшем случае будет никак не меньше 13–14 млн.

Такова вторая жатва войны, не уступающая по величине первой: числу убитых и погибших от ран.

Наконец, чрезвычайно возросла и смертность гражданского населения.

Это видно из следующих абсолютных цифр числа умерших:

[18] Красная Москва, 66. Ук. ст. С. А. Новосельского в V вып. «Материалов по статистике Петрограда».

Годы	*Англия с Уэльсом*	*Шотландия*	*Ирландия*	*Франция (77 деп.)*
1913	504 975	73 069	74 694	588 809
1914	516 778	73 557	71 345	647 549
1915	563 326	81 629	76 169	644 301
1916	508 217	70 640	71 391	607 742
1917	498 922	69 483	72 724	613 148
1918	611 861	78 372	78 685	788 616
1919	504 254	75 141	78 757	—

Годы	*Италия*	*Венгрия*	*Германия*	*Бавария, Саксония и Пруссия*
1913	663 966	485 631	1004 953	809 600
1914	643 355	506 144	1052 585	1008 200
1915	741 043	552 607	1019 658	1145 800
1916	721 558	391 820 (?)	964 470	1030 000
1917	682 311	384 628 (?)	—	1090 600
1918	—	—	—	1272 000
1919	—	—	—	—

За исключением Венгрии, цифры которой очень недостоверны, указанное явление выступает во всех государствах.

По вычислениям Döring, благодаря повышению смертности за годы войны до середины 1919 г. (без прямых военных потерь) Англия, Франция, Германия и Австро-Венгрия потеряли не менее 1,65 млн человек.

Что касается России, то пока что не имеется хотя бы приблизительных данных, показывающих рост смертности нашего гражданского населения. Но несомненно, что «смертность с 1916 г. резко повысилась»[19]. Некоторое представление об этом дают цифры смертности в Петрограде и Москве. Они таковы:

[19] Ук. Труды Центр. ст. упр. 4.

На 1000 человек умирало

Годы	*в Петрограде*	*в Москве*
1912	22,6	
1913	21,4	1910–1914 — 23,1
1914	21,5	
1915	22,8	22,1
1916	23,2	20,2
1917	25,2	21,2
1918	43,7	28,0
1919	72,6	45,1
1920	50,6	(1-я пол.) 46,2[20]
1921 (1-я пол.)	27,8	—

В Петрограде с 1915 г. уже заметно убивающее влияние войны, в Москве (если цифры точны) оно выступает позже, но зато делает сразу крупный прыжок вверх. Бешеный рост смертности с 1918 г. до 1920-го — следствие общей войны, плюс войны гражданской, голода и эпидемий.

Несмотря на то, что в 1920 г. коэффициент смертности по сравнению с 1918–1919 гг. понизился по всей России, все же смертность в 1920 г. была выше, чем в 1914 г. Приведу несколько данных

На 1000 населения умирало

Губернии	*в 1914 г.*	*в 1920 г.*
Костромская	27,6	49,6
Московская	26,8	40,8
Нижегородская	29,1	33,8
Орловская	26,8	36,4
Пензенская	30,0	40,8
Рязанская	22,3	27,2
Тверская	25,7	27,0
Смоленская	28,3	33,[21]

[20] Красная Москва, 69. Ук. ст. Новосельского в V вып. «Материалов по статистике Петрограда».

[21] Статистич. ежегодник России, 1916. М., 1918. 9–3; Труды Центр. ст. упр. Т. I. В. 3.

Трудно исчислить сейчас общее число жертв войны во всех воюющих странах, унесенных повышенной смертностью. Можно только сказать, что благодаря щедрой дани, внесенной в этом отношении Россией, это число становится громадным. Громадным потому, что перепись 1920 г. показала, что население 47 европейских губерний (Советской России и Украины) по сравнению с населением тех же губерний в 1914 г. убыло с 85 000 370 до 73 495 897, то есть на 11 504 473, или на 13,5 % — убыль за 6 лет неслыханная для европейских стран нового времени[22]. Вычитая отсюда 2 млн.. убитых, пропавших без вести и взятых в плен во время общей войны, мы все же имеем дефицит населения в 8 500 000 (если бы даже абсолютно не было прироста и если бы 2 млн жертв падало только на эти губернии). Если, по данным Михайловского, характеризующим состав армии и влияние революции, вычесть еще 3,5 млн., то на долю повышения смертности за 6 лет войны приходится 5 000 000. Присоединяя к ней 1,65 млн., высчитанных Döring для четырех государств, плюс погибших от повышенной смертности за годы войны в других губерниях России и в других государствах, мы можем считать эту часть военных жертв не менее 8–9 млн.

Подводя итоги общей убыли населения, причиненной войной 1914–1918 гг. и ее следствиями в виде гражданской войны у нас, мы имеем общую убыль не менее 32–33 млн.

Из них	прямых жертв войны	9–10 млн.
—«—	потерянных рождений	13–14 млн.
—«—	жертв повышенной смертности	8–9 млн.[23]
Всего		около 30–33 млн.

Конечно, эти цифры более чем приблизительны. Но точность нам сейчас не особенно важна. Важно то, что эти цифры — едва ли преувеличенные — весьма наглядно рисуют основную роль войны, состоящую в уменьшении населения. Боюсь, что после данной войны весьма трудно будет поддерживать оптимистическое положение, гласящее, что «нормальные колебания смертности вообще больше, чем

[22] Труды Центр. ст. упр. Вып. 3, 4.

[23] Общие потери четырех государств за годы войны (Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии) Döring исчисляет в 17,1 млн. Прибавляя сюда колоссальные потери России за 1914–1920 гг. и других государств, мы получим цифру, никак не меньшую 30 млн.

относительные потери войны»[24]. И в применении к предыдущим войнам это положение неверно. В применении же к современной войне оно звучит совершеннейшим вздором. Колебание смертности, брачности и рождаемости гражданского населения за эти годы выходит далеко за пределы обычного колебания их в мирное время. Присоединение же к этому урону 6–10 млн. прямых жертв войны делает резкость и амплитуду этих колебаний совершенно исключительной. За XIX столетие мы не знаем мирного времени, где за 6–7 лет население европейских государств не росло бы, а уменьшалось, где смертность не покрывалась бы естественным приростом. За эти же годы население воюющих стран, кроме разве одной Великобритании, не только не возросло, но резко убыло. Это видно из следующей таблицы (в млн.):

	Численность населения к концу 1913 г.	*К середине 1919 г.*
Германия	67,4	65,5
Австро-Венгрия	52,7	49,8
Великобритания	46,0	46,5
Франция	39,7	36,8
Европ. Россия (47 губ.)	85,2	73,0[24]

[24] Steinmetz. Philosophie des Kresgie, 71 и сл.

[25]

Губернии	*Рождений*	*Смертей*	*Разница*
Череповецкая	240	296	−56
Новгородская	240	253	−13
Смоленская	297	334	−37
Тверская	261	270	−9
Московская	245	408	−133
Иваново-Вознесенская	328	463	−135
Костромская	332	496	−114
Нижегородская	249	338	−89
Вятская	162	241	−79
Пермская	190	260	−70

Довольно цифр. Мы видим, что война «славно работает». Она «просто и надежно» разрубает гордиевы узлы тысячи неразрешимых социальных проблем: уничтожает избыток населения по сравнению со средствами существования, избыток предложения рабочих рук по сравнению с их спросом, уничтожает «тесноту», разрежает плотность населения и т. д.

Одним словом, если принять, что жизнь существует для смерти, то война в этом отношении оказывает неисчислимые «услуги» человечеству. Она — излюбленное детище и полномочный представитель Ее Величества Смерти и никогда не изменяет своей владычице. Но если держаться несколько иного взгляда и признать целью жизни — жизнь, а не смерть, если признавать положение, что «жизнь человека — самоцель» (положение иногда объявляемое предрассудком, если не в теории, то на практике) — выводы получатся иные. Потеря миллионов жизней — факт, который неизбежно отражается на всех сторонах общественной жизни. Во-первых, это колоссальная экономическая потеря, растраченная бесполезно. С экономической точки зрения, взрослый и работоспособный человек — капитал в самом точном смысле этого слова. Если принять экономическую ценность человека равной 32 000 франков, как это делают некоторые экономисты[26], то потеря 20 млн. взрослых и работоспособных людей равна экономическому ущербу в 640 000 000 000 франков. Не убыточно ли?

Далее, если человеческую энергию ценить как простую энергию физической машины, то принимая энергию человека-машины, которую он может развить в 10 час. работы, равной 290 000 килограммметров[27], а в год 290 000 × 365, потеря 20 млн. человеко-машин, если бы

Губернии	*Рождений*	*Смертей*	*Разница*
Пензенская	280	408	−128
Рязанская	254	272	−18
Орловская	242	364	−122
Петроград	218	506	−288
Москва	219	462	−248

[26] См. о человеке как капитале и способах определения его экономической ценности *H. Boag.* Human Capital and the Cost of the War // Journ. of Royal Statist. S-ty. 1916. Янв. 7–18; *P. Otlet.* Les problèmes internationaux et la guerre, 1916. 26–27; *Proudhon.* La guerre et la paix.

[27] См. об этом: *Умов.* Физические науки в служении человечеству. Природа. 1913. Февр. 149–160.

все они жили только один год, равна потере 211 400 000 000 000 000 килограмм-метров. Величина не очень большая, но все же заслуживающая внимания. Если же учесть то, что самый глупый человек и тот представляет носителя высших форм энергии («психических») и что жили бы они не один год, а дольше, то эта цифра будет несравненно более крупной.

С одной этой точки зрения (экономически-энергической), бесполезная потеря 10–20–30 млн. жизней неизбежно дает себя знать и в хозяйственной, и в нехозяйственной стороне общественной жизни. И производительность, и обороноспособность, и творчество народа во всех областях жизни не могут не деформироваться благодаря внезапному выпадению из его рядов миллиона жизней и, как сейчас увидим, лучших жизней. Затем остается сам по себе факт смерти миллионов людей. Для меня лично это самый важный факт, имеющий значение безотносительно к экономической точке зрения.

Я не имею возможности в данной статье очерчивать те следствия в разных областях общественной жизни, которые вызываются фактом резкого, чисто количественного, уменьшения населения, вызываемого войной. Скажу только, что они весьма серьезны, и этим ограничусь[28]. А теперь перейдем к качественной стороне дела.

В сравнении с количественным уменьшением населения гораздо более важными являются те качественные изменения, которые вносит война, в частности, в состав населения. С этой точки зрения война была и остается орудием отрицательной селекции, производящей отбор «шиворот-навыворот», то есть уносящей лучшие элементы населения и оставляющей выживать и плодиться худшие элементы последнего. Термины «лучшие» и «худшие» — термины оценочные. Поэтому условимся, что я понимаю под ними. Под лучшими я разумею элементы населения: a) биологически: более здоровые; b) энергетически: более трудоспособные; c) социально: более моральные; d) психически: более волевые, более талантливые, более одаренные и развитые интеллектуально.

К этому прибавлю: война уносит более мужчин, чем женщин.

Нет надобности доказывать трюизм (впрочем, часто забываемый многими), что совершенство общественной организации, преуспеяние и творчество общества в разных областях деятельности и исторические судьбы его зависят прежде всего от свойств его членов. Для чертей можно написать идеальную конституцию, и, однако, она

[28] Этот вопрос подробно мною исследуется в 4 т. «Системы социологии», готовящемся к печати.

останется на бумаге. Общество, состоящее из безгрешных ангелов, может иметь прескверную конституцию или не иметь никакой, и тем не менее общественные взаимоотношения его членов будут прекрасными. Общество, состоящее из прожженных мошенников или идиотов, несмотря на все реформы, будет мошенничать и останется духовно бесплодным, пока его члены будут обладать указанными свойствами.

Любое обширное общество состоит из членов, не равных друг другу ни в каком отношении, не только по приобретенным, но и по прирожденным свойствам; там есть члены мужского и женского полов, старики и дети, здоровые и больные, честные и преступники, гении и идиоты, энергичные, деятельные и сильные люди и индивиды безвольные, слабые, ленивые и т. д.

Легко понять, что для процветания, творчества и исторических судеб общества далеко не безразлично, какие преимущественно элементы населения уничтожаются войной и какие оставляются ею для выживания и размножения.

Маленький «бухгалтерский» подсчет дает ответ на этот вопрос.

1. Коса военной смерти уносит прежде всего наиболее *трудоспособные возрасты* населения. В армию берутся люди от 18 до 45–50 лет, старики и дети оставляются. Следовательно, при войне гибнут прежде всего и больше всего самые трудоспособные слои общества, и за счет их пухнут относительно слои нетрудоспособные[29].

2. *Война уносит преимущественно более здоровых.* Это следует из того, что больные, слепые, хромые и «чающие движения воды», то есть лица биологически дефектные, «бракуются» и в армию не попадают; последняя составляется из людей, наиболее здоровых. Война вырывает свои жертвы — особенно прямые жертвы — преимущественно из последних. На полях битвы течет поистине лучшая биологически кровь народа. Те 9–10 миллионов, которые погибли в битвах современной войны, выхвачены именно из наиболее здоровой и трудоспособной (18–50 лет) части населения.

3. Война уносит преимущественно мужчин, а не женщин, и нарушает половой состав населения в пользу последних. Современные ар-

[29] Повозрастной состав населения России в 1920 г. еще не опубликован. Имеющиеся в моем распоряжении данные по отдельным губерниям и уездам говорят о колоссальном опустошении возрастных слоев 19–30 лет.

мии — мужские агрегаты, следовательно, в войне гибнет мужская половина человеческого рода прежде всего, женская лишь постольку, поскольку она задевается повышенной смертностью гражданского населения. Данная война во всех воюющих странах в силу громадной гибели мужчин вызвала резкий перевес женской половины в составе населения.

На 1000 мужчин приходилось женщин:

	Во всех возрастах		*В возрасте от 18–45 лет*	
	в 1913 г.	*в 1919 г.*	*в 1913 г.*	*в 1919 г.*
Германия	1024	1090	1005	1180
Австро-Венгрия	1027	1092	1048	1230
Великобритания	1069	1094	1078	1175
Франция	1036	1120	1017	1230
в Москве в 1912 г.	843	1048 (1920 г.)	—	—
в Петрограде в 1910 г.	915	1250	—	—
в Европ. России до войны	1038	1250[29, 30]	—	—

Избыток женщин во всех почти государствах увеличился более чем в три раза. В Германии он вырос с 840 000 почти до 2,8 млн., в Австро-Венгрии с 700 000 до 2,2 млн., в Англии с 1,3 до 2,1 млн. и во Франции с 700 000 до 2,1 млн.». Состав населения, говоря грубо, «обабился». Особенно сильно он «обабился» у нас — помимо общей войны, война гражданская сыграла здесь немалую роль. Некоторые статистики утверждали, что после войны этот дефицит мужского пола вполне компенсируется ростом мужских рождений за счет женских. Действительность это мнение не подтверждает. Такого избытка мужских рождений не замечалось ни после франко-прусской войны, ни после русско-японской, не замечается и теперь[32].

4. *Война уносит преимущественно морально здоровые элементы и оставляет выживать элементы морально негодные, преступные.* Почему? Пото-

[30] *Döring.* 16, 43. Красная Москва, 55 и сл. Материалы по стат. Петрограда. Вып. III. 5–7; Труды Ц. Ст. Упр. 167. Annuaire intern. de statistique, 1916. 43.

[31] По 42 губ. Европейской России.

[32] См. *Nixon.* Ук. ст. 435–437, 442; *Новосельский.* Указ. стат. в. V вып. «Материалов».

му что преступники нормально в армию не допускаются и не берутся. Стало быть, они риску гибели в войне не подвергаются, а следовательно, имеют шансы на выживание больше, чем морально здоровые элементы населения. Больше того. Это положение можно формулировать и иначе. При войне при равенстве прочих условий больше гибнет лиц с глубоким сознанием долга перед страной, родиной, своей группой, чем лиц, не имеющих такого сознания. Первые в силу глубоких моральных импульсов не уклоняются от риска, не стараются «окопаться» в тылу, увильнуть от фронта или занять безопасное место. Они идут на риск, если он нужен. Они идут на смерть, если она необходима. Иное дело шкурники: они всеми правдами и неправдами окапываются в тылу, пытаются уклониться и увильнуть от риска и опасности, словом, имеют больше шансов на сохранение жизни, чем первые. «Леонид и 300 спартанцев» погибли и гибнут, а шкурники, мародеры и тыловые герои выживают. Это в одинаковой степени относится как к гражданской, так и к межгосударственной войне, но особенно к первой. Опыт прошлых войн и современной гражданской войны показывает, что с той и с другой стороны честные и убежденные бойцы гибнут — шкурники выживают.

5. *Война прямо и косвенно пожирает в большей степени духовно одаренных* (более волевых, более развитых, более талантливых). Старый римский лозунг гласит: «Parcere subjectes et debellare superbos!» («Щадите покорных и добивайте гордых!») Этот лозунг в древних войнах неукоснительно выполнялся. Все наиболее сильное, гордое, волевое, одаренное, что могло бы представлять опасность для другой стороны, победителем избивалось. Выживал материал 2-го и 3-го сортов. Не потеряло это положение своего значения и для нашего времени. Не потеряло, потому, что, говоря словами Леонарда Дарвина, «люди, из которых составляется армия, по своим свойствам значительно выше в среднем остальной массы населения, остающейся дома»[33].

Если это так, то гибели в первую голову подвергаются именно они, а не вторые. Далее, возьмите современную войну. Она велась и белыми, и цветными народами вообще. Процент гибели последних был сравнительно ничтожен по сравнению с белыми[34]. Между тем едва ли подлежит сомнению, что одаренность белой расы гораз-

[33] *L. Darvin.* On the statist. enquiries needed after the war in connection with eugenics // Journ. R. Stat. Soc., 1916. March. 164.

[34] Во Франции, например, убито и умерло от ран: белых — 1 390 600, черных — 67 000, ранено белых — 2 560 000, черных — 140 000.

до выше, чем других рас. Беру Россию. Война унесла 11,5 млн. жителей 47 губерний европейской России и только 0,5 млн. жителей азиатской России, иными словами, из населения европейской России она поглотила почти 1/7 часть, из населения же азиатской России (Северный Кавказа, Киргизии и Сибири) — только 1/30. Опять-таки едва ли коренное население европейской России, особенно ее центра, не выше по своим качествам, развитию и одаренности, чем инородцы азиатской России, не привлекавшиеся к обязательной воинской повинности[35].

Иными словами, война обессилила белую, наиболее одаренную расу в пользу цветных, менее одаренных, у нас — великоруссов — в пользу инородцев, население европейской России — в пользу азиатской, которое, за исключением сибиряков, и более отстало, и более некультурно и едва ли не менее талантливо вообще.

Обратите далее внимание на то, что в самой армии процент гибели офицерского и командного составов, начиная с унтер-офицеров, по сравнению с процентом гибели рядовых солдат всегда почти значительно выше[36]. А едва ли подлежит сомнению, что, в общем и целом, по развитию и культурности офицерский состав, начиная от унтеров и фельдфебелей, значительно выше рядовой солдатской массы. Это мозг армии, ее душа, ее выжимки и ее культурная аристократия. Большой процент ее гибели снова подтверждает выставленное положение. Далее, всевозможные ответственные и опасные поручения в армии во время войны даются опять-таки людям и группам наиболее одаренным: смелым, инициативным, талантливым, надежным и развитым. Этим самым увеличиваются шансы таких слоев на гибель. Храбрые и отважные люди идут на риск и гибель, трусы и дряблые — телом и душою — инвалиды, стремятся укрыться в более безопасные пункты.

Правда, в последнее время ученые, писатели, художники и вообще «цвет и мозг страны» освобождались от призыва в войска. Поэтому они, по-видимому, не должны были бы гибнуть от «бича войны».

Но такое освобождение далеко не повсеместное явление. За эту войну во всех странах они мобилизовались или шли добровольно. Итог получается довольно печальный. «С самого начала войны число студентов Кембриджа уменьшилось на 80 %, а к маю 1915 г. 380 из них

[35] См. цит. «Труды Ц. Ст. Упр.». 3–4.

[36] Например, при франко-прусской войне в прусской армии на 1000 офицеров погибло 89, на 1000 солдат — 45. *Mulhall.* Op. cit. 818. Сходное происходило и происходит и в других войнах.

было уже убито и 500 ранено. Это дает точное указание степени того участия, которое принимали в войне университетские люди. Так как эти люди представляют избранный класс общества, то не следует забывать, что чем выше по шкале заслуг и талантов мы поднимаемся, тем быстрее число более одаренных падает»[37]. По Гальтону, для английского общества на 1 000 000 населения таких лиц приходится всего около 2000, а профессоров и ученых и того меньше[38]. Если за полгода войны студентов Кембриджа пало 380, а за всю войну число убитых англичан (с колониями) было менее миллиона, то без всякой ошибки мы можем заключить, что процент гибели умственно квалифицированных лиц здесь был гораздо выше, чем рядовой массы населения. Такая картина была в Германии, во Франции и в др. странах, вплоть до России. У нас процент лиц с высшим образованием и до войны был ничтожен. Война мобилизовала большую часть студентов и молодых ученых. Учебные заведения опустели от мужской учащейся молодежи призывного возраста. Хотя в моем распоряжении и нет цифр, но я не побоюсь утверждать, что и у нас война унесла умственно квалифицированные элементы населения в большем проценте, чем неквалифицированные.

В целом ряде научных изданий Запада я видел длинные списки ученых и студентов, погибших на войне. В числе их погибли лица с большими именами. То же было и у нас. И кто знает, правильно говорит Дарвин, не было ли среди них нескольких будущих Фарадеев и Герцев. Погибни последние в свои молодые годы — и история XIX в. была бы значительно иной. То же может быть сказано и о погибших, не успев расцвести, Фарадеях данной войны. Укажу и еще на одно обстоятельство, вызывающее усиленную гибель от войны умственно и духовно квалифицированных лиц. При длительной и тяжелой войне ее тяготы сильнее всего среди гражданского населения падают на «умственный пролетариат», на интеллигенцию: ее доходы (богатые единицы «умственного пролетариата» в счет не идут) растут при вздорожании всего менее, а потому нужда затрагивает этот слой всего сильнее. Поэтому смертность его должна повышаться пропорционально значительнее, чем смертность других слоев. Этому способствует повышенная острота реагирования этой группы на явления, вызываемые войной. Между тем «мозгом страны» и является как раз этот слой. Нечего и говорить, что при разрухе, подобной нашей, вызванной 6-летней войной, процент гибели и смертности

[37] *L. Darvin.* Ц. ст. 160.

[38] См. *Galton.* Hereditary Genius, 1892. 30 и сл.

интеллигенции гораздо выше, чем рядовых слоев. Если, например, общая смертность в Петрограде в 1919 г. повысилась по сравнению с 1913 г. в 3,5 раза, то смертность среди ученых Петрограда повысилась по сравнению с нормальным временем в 6 с лишним раз. Мы и так были бедны умственно квалифицированными и просто грамотными людьми. После войны мы и абсолютно, и относительно стали еще беднее в этом отношении.

Сказанного достаточно, чтобы признать доказываемый тезис правдоподобным в применении ко всякой значительной войне. В применении же к войне гражданской он совершенно бесспорен. Всякая гражданская война особенно убийственна в этом отношении. Она по своему существу представляет косу смерти, нарочито уничтожающей с обеих сторон самые одаренные, самые талантливые, сильные, волевые и развитые элементы. Изучите историю гражданских войн Афин и Рима, английской и французской революций, осознайте опыт и итоги нашей гражданской войны, и вы увидите, что в ней процент гибели «лучших» — даровитых трибунов и политиков, ораторов и ученых, художников и полководцев, словом, лиц квалифицированных, несравненно выше, чем процент гибели рядовой массы. В то время как Поликраты, Гиппии и Гиппархи, Эфиальты и Клеоны, Алкивиады и Критии, Ферамены и Сократы, Эпаминонды и Луции Сцеволлы, Кориоланы и М. Манлии, Гракхи и Спартаки, Ливии Друзы и Катилины, Помпеи, Цезари и Антонии, Лавуазье и Мараты, Робеспьеры, Дантоны, Кондорсэ, Шенье и др. выдающиеся люди — вожди, мыслители, поэты и ученые, — каковых приходится несколько единиц, а то и один (например, Лавуазье) на миллион рядовой массы, в то время как они гибнут десятками, рядовые роялисты, якобинцы, вандейцы, жирондисты выживают и дают процент гибели несравненно меньший, чем эти élites. Гражданская война в этом отношении была и остается одинаковой. Она безжалостна и бьет прежде всего élites обоих лагерей, то есть лиц, выдающихся из рядовой массы. Это общее правило подтверждает и опыт нашей гражданской войны. Общее число ее жертв громадно: оно едва ли уступает числу русских жертв «великой» войны. Но качественный урон, причиненный ею, несравненно грандиознее урона последней. Процент élites, унесенный ею, гораздо выше процента élites, пораженного общей войной. Если все число насильственно убитых в нашей гражданской войне равняется 1 млн., как думает Михайловский[39], и если принять во внимание, что в это число вошли и умственно квалифицирован-

[39] См. цит. Труды Ц. Ст. Упр. 4–5.

ные лица, каковых у нас насчитывалось менее одной тысячи на миллион людей, то можно себе представить, как отражается на интересах народа гибель каждого десятка этих élites, к какому бы стану они ни принадлежали.

Римская гражданская война обескровила население Рима[40]; то же сделала французская революция[41]; то же произошло и у нас.

Мы обескровлены теперь умственно одаренными, развитыми и квалифицированными элементами. Огромный процент их убит, часть покончила с собой (геолог Иностранцев, проф. Хвостов и др.), часть вымерла от голода, холода и тяжелых условий жизни (Шахматов, Тураев, Блок и др.).

Помимо прямого убийства, гражданская война опустошает эти слои и косвенно: тем, что принуждает эмигрировать уцелевших élites и заключает неубитых в тюрьмы, где они умирают медленной смертью. Какие результаты для страны вызывают такие массовые эмиграции, свидетельствует опыт массового эмигрирования «еретиков» из Испании, гугенотов из Франции и т. д. Ко всему этому прибавьте и то, что рядом с уничтожением перечисленных элементов война ранит, калечит и портит огромный процент этих «лучших» и возвращает их населению в негодном виде. Данная война облагодетельствовала человечество миллионами таких «порченных» особей, кормильцев, ставших «обузой» остального населения. Прибавьте далее понижение жизнеспособности у остального населения (от лишений, горя, тревоги за близких и т. д.), и качественное влияние войны на население станет довольно ясным.

Итог этого «бухгалтерского» подсчета таков: если мы называем «лучшими» элементами населения более здоровых, более трудоспособных, более моральных, более развитых, одаренных, волевых и умственно квалифицированных, то война вообще, и гражданская война в частности, уносит больше всего эти элементы. Коса смерти выхватывает преимущественно их и оставляет жить, плодиться и размножаться больных и калек, стариков и старух, преступников, шкурников, трусов, безвольных, менее одаренных и более невежественных лиц.

«Дайте лучших!» гласит римский призыв к народу, требовавший солдат. В этом призыве глубокая правда. Война берет поистине лучших. Военная слава дорого стоит. За нее приходится платить не во-

[40] См. *Ростовцев*. Рождение Римской Империи, 1918. 38–39, 41–43, 86–87 и passim.

[41] См. *H. Taine*. Les origines. La couquête jacobine et le Gouvernement revolutionnaire, passim et livre 4-ème, chap. I этого последнего тома.

ображаемой, как в сказках при продаже души черту, а подлинно лучшей кровью и самой дорогой частью души народа.

Таково качественное влияние войны на состав населения. Как видим, это влияние поистине убийственно.

Но мало того. Бен. Франклин был прав, говоря: по векселям войны главные платежи приходится платить не столько во время войны, сколько позже. Убийственный качественный урон, производимый войной во время самой войны, — капля в море по сравнению с общим ущербом, вызываемым ею. Есть в мире явление, вызываемое наследственностью. Оно гласит: каковы семена, таковы и плоды, такова и жатва. Война пожирает не только лучших производителей, но и их потомство. Оставляя жить и плодиться второ- и третьестепенный человеческий материал, она через него способствует выживанию и расцвету потомства этой человеческой слякоти. В силу наследственности оно и физически, и духовно будет второ- и третьестепенным, следовательно, и народ будет состоять из материала 2-го и 3-го сорта. «Плохи семена — плоха и жатва». «Худшие», которые без военного отбора в силу конкуренции были бы оттеснены на второй план, теперь, выживая, занимают первые места. Они делаются производителями потомства. Они дают кровь, которая начинает течь в жилах народа. Кровь же лучших пропадает бесплодно на полях битв. В этом отношении война похожа на огородника, который выпалывает с гряд лучшие семена и оставляет на них сорную траву. Конечно, при таком отборе, на грядах расцветет последняя; она займет все место, она вытеснит овощи и изменит весь растительный мир огорода. Таким именно огородником является война, систематически, безжалостно выпалывающая лучших на протяжении истории воюющего народа. Лапуж высчитал, что если мы имеем народ, состоящий из двух равных групп, с одинаковым числом семейств, но с различным числом посемейных рождений — в первой группе с посемейным рождением трех человек, во второй — четырех, то через триста лет, размножаясь в той же прогрессии, они совершенно видоизменят состав народа. Он будет состоять на 93 % из потомков 2-й группы. Этот подсчет показывает, насколько кардинально война может изменить к худшему расовый состав часто воюющего народа на протяжении нескольких столетий.

Чем чаще и сильнее народ воюет, тем резче и быстрее ухудшается его состав и тем пышнее расцветает жатва «плохих семян». Нет ничего более неверного, чем положение: «война родит героев и лучших». Напротив, она, выпалывая, убивает их.

Этот ущерб войны не возместим и не вознаградим ничем. Когда-то Наполеон на указание множества убитых на поле битвы сказал: «Одна ночь Парижа возместит все это». Нет, Sir, можем мы ответить ему и любому вождю, не только одна ночь, но и тысячи ночей Парижа не могут возместить гибель лучших производителей. Если количественный урон людей может быть покрыт плодами «слякоти», то качественный ущерб в виде погибших «лучших семян» не возместим ничем и никак. Это «свыше сил человеческих». Все ночи Парижа могут дать обильный урожай «сорной человеческой травы», а не жатву первосортных «сынов человеческих».

Отсюда понятна та деградирующая роль войны, которую она играла и играет в истории народа. Чем сильнее народ воюет, тем быстрее он слабеет даже в военном отношении. Правильно сказано в Библии: «Dissipatae gentes quae bella volunt». Всего дольше живут и сохраняются народы невоюющие, примером которых может служить еврейский народ. Его долговечность, его богатство талантливыми людьми — следствие ряда причин, среди которых едва ли не первое место принадлежит тому, что он не участвует в войнах. Его лучшие сыны не гибнут бесплодно, а выживают и вытесняют среди евреев потомство худших.

Опыты истории дают нам поучительные уроки и обратных явлений. Изучение расового состава древних греков и римлян показывает, что он был одним из самых лучших. Исследование Гальтона говорит, что один гений первой величины у греков — в Афинах — приходится на 4822 или даже на 3214 рядовых людей, а в Англии он приходится на 1 млн. населения[42].

Раз так превосходен был первоначальный расовый материал этих народов, мудрено ли, что они в первый период своей истории проявляют колоссальное творчество во всех отраслях жизни, необычайную энергию, чудеса храбрости, долга, воли, силы ума, находчивости и сумели покорить множество народов. Но чем сильнее они воевали, тем быстрее гибли лучшие, тем энергичнее выживали худшие, тем резче деградировал расовый состав этих народов. Постепенно господами положения стали плоды «сорной травы», неспособные не только дальше продолжать достижения лучших, но даже поддерживать их на имеющейся высоте. Декаданс был неизбежен. И мы видим, как именно после войны с персами и войны пелопонесской звезда Греции начинает гаснуть, как именно после войны с Карфагеном и войн гражданских Рим теряет свободу, перейдя от респуб-

[42] *Galton*. Hereditary genius, 329–330.

лики к цезаризму, перестает расширять свои владения и начинает деградировать. Войны II и III вв. от Р. Х. его окончательно доконали и привели к полному упадку. Изучение расового состава высшего общества Рима показывает, что даже в его высших слоях кровь древних римлян исчезла: она заменена была кровью рабов, вольноотпущенников и варваров[43].

Это деградирующее влияние войны замечалось и позже. Ряд исследователей Швейцарии утверждает, что население тех кантонов, которые в древности поставляли наемные войска, до сих пор по росту ниже населения кантонов, не делавших этого. Известно, далее, что после революционных и наполеоновских войн рост французских новобранцев между 1816 и 1836 гг. значительно понизился (данные Виллерме, Фуассака, Брока и др.), равным образом повысился процент бракуемых новобранцев вследствие болезненности, недоразвития, телесных недостатков и др. изъянов[44]. Заслуживает указания и то обстоятельство, что солдаты Наполеона при Ватерлоо были не те рослые и здоровые гренадеры революционных и первых наполеоновских войн, а дряблое поколение, родившееся в 1793–1794 гг., когда Франция успела уже потерять значительную часть своих лучших, когда остальная часть их была на войне, а размножалась и плодилась «слякоть». Никакой военный гений не мог сделать из потомства «слякоти» первосортный, как в военном, так и в других отношениях, материал. Поражение при Ватерлоо красноречиво подтверждает это.

То же имело место и в населении Парижа, родившемся после германской и гражданской войн 1870–1871 гг. Это поколение было столь дефектно во всех отношениях, что оно получило даже специфическое название «детей осады».

И обратно. Народы, долго не воевавшие, даже в военном отношении сильнее народов милитаристических. Примером могут служить С.-А. С. Штаты, на протяжении своей истории знавшие только две крупные войны: за независимость и за освобождение негров. После сказанного не приходится удивляться ни прекрасному материалу заатлантической республики, ни ее расцвету и быстрому развитию, ни той быстроте, с какой она сумела развернуть громадные военные

[43] См. *Otto Seeck*. Der Untergang der antiken Welt, ук. кн. *Ростовцева*; *D. S. Jordan*. La moisson humaine, Revue intern. de sociologie, 1911. 673–712; Fahlbeck. La décadance et la chute des peuples. Bullet. de l'Inst. intern. de statistique. T. XV. Кн. 2. 367–389; Lapouge. Les selections sociales, гл. о военном отборе.

[44] См. сводку работ по этому вопросу у *Анучина*: О географ. распред. роста мужск. населения России. СПб., 1889. 25 и сл.

силы за эти годы и стала гегемоном мира. Не случаен и быстрый расцвет Японии в XIX в. Этот век для нее, в общем и целом, был периодом мира. В 1905 г. она победила нас не потому, что много воевала, а потому, что до этого долго не имела крупных войн. Последняя война ее почти не задела; мудрено ли, что она сейчас начинает развиваться и прогрессировать семимильными шагами[45]. Мудрой была и политика Англии, умевшей всегда щадить свой человеческий материал и вынимать каштаны из огня чужими руками.

Не безынтересно с этой точки зрения взглянуть и на нашу историю. Роковая печать военного отбора лежит на всем ее протяжении. Мы были и остаемся милитарным народом. Мы воевали постоянно и тратили своих лучших мотовским образом. По данным Mulhall, за пятьдесят лет, с 1828 по 1880 г., мы потеряли убитыми 664 000 — цифра, превосходящая все военные потери Европы за эти годы. До этого грандиозные потери мы понесли при наполеоновских войнах, далее идут войны Павла, Екатерины, Елизаветы и непрерывные войны Петра. Словом, войны, войны, без конца войны — такова наша история. Я полагаю, что расовый материал первоначального населения Руси — Киевской, Суздальской и Московской — был превосходен: если бы он был плох, то мы давно уже должны были бы исчезнуть, должны были бы отстать не так, как мы отстали, и выродиться в гораздо более сильной степени, чем теперь. Только превосходным первоначальным расовым составом и можно объяснить то, что, несмотря на непрерывные войны, мы все же держались до последнего времени, и за мирное время царствования Александра III и отчасти Николая II стали даже заметно оправляться. Этим я говорю; если мы отстали, темны, невежественны, менее энергичны, менее талантливы, чем передовые европейские народы — ищите одну из причин этого в наших бесконечных войнах. Не будь их, будь они реже — я уверен, что наша история была бы иной: мы шли бы наряду с самыми развитыми народами. Некоторые эпохи в этом отношении были поистине роковыми для нас. Одной из них является эпоха Петра, «мироеда,

[45] Для такого конкурента, как С.-А. С. Штаты, Япония не очень опасна: человеческий материал С.-А. С. Штатов, также мало ослабленный войной, превосходен по качеству и выдержит конкуренцию с Японией, но для нас после гибели лучших на войне и в революции, боюсь, конкуренция будет не по силам. Появление Японии в Сибири и на Дальнем Востоке теперь не случайность. Оно знаменует вытеснение нас, как более слабых, этим качественно усилившимся соседом. Здесь завязывается узел новой длительной борьбы двух рас, и боюсь, что история вынесет приговор не в нашу пользу.

переевшего весь мир». Поистине трудно назвать другого человека, который причинил бы такой ущерб нашему населению. Своими непрерывными войнами и весьма пышными с виду преобразованиями, из которых, однако, пользы для народной массы вышло очень мало, он погубил весь цвет лучшего населения России, не менее 30% всего его мужского работоспособного населения[46]. Внешнее величие России он купил ценой, стоившей всей ее будущности. В последующем это сказалось и в усилении рабства, и в столетнем топтании на месте культурного развития масс, и во многом другом, вплоть до нашего времени.

К сожалению, здесь я не могу пускаться в интерпретирование нашей истории с точки зрения влияния война на наши исторические судьбы. Скажу только, что это влияние было роковым. Итоги ему подвела последняя русско-японская война. Она показала, что наше величие мнимое, наша культура казовая [показушная.—А. Ч.], наше невежество безбрежно. Последние войны нас доконали. Можно восстановить разрушенные фабрики и заводы, села и города, через ряд лет трубы снова будут дымить, поля зазеленеют, голод исчезнет, все это поправимо и возместимо. Но следствия отбора общей и гражданской войн невозвратимы и невозместимы. Настоящие платежи по их векселям — в будущем, когда вырастут поколения выжившей «человеческой слякоти». «По плодам их узнаете их». «Люди, люди — это самое главное. Люди дороже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, так как они не продаются и не покупаются, а только веками выделываются; ну а на века надо время»[47]. Будут доброкачественные по прирожденным свойствам люди — будут и былое величие, и культура, будет и международный вес. Не будет настоящих людей — не будет и этих атрибутов величия, или они будут мнимыми, которые сорвет первый ветер истории и первый встречный озорник. Настоящих людей у нас и так было мало. Теперь мы обречены на хронический недород их. Только разве длинный ряд мирных лет может несколько поправить дело. Иначе — Lasciate ogni speranza. За недостатком места я не буду говорить о том ухудшении населения, которое вызывает война своими ранеными и лишениями: голодом, нуждой, горем и страданиями. Ослабление жизнеспособности населения, свидетельствуемое громадным ростом эпидемий и заболеваемости населения, повышением смертности, обычно наступающи-

[46] См. *Милюков*. Госуд. хозяйство России. СПб., 1905. 184 и сл.; *Клочков*. Население России при Петре, 1911, passim.

[47] *Достоевский*. 1 в. 286.

ми в годы долгой войны или по ее окончании, — факт, чреватый последствиями. Особенно важное значение имеет в этом отношении ослабление жизнеспособности молодого поколения. После сказанного понятно, почему такие глубокие социологи, как Le Play, повторяли непрестанно: мир — основное условие благоденствия, счастья и процветания. Самый худой мир лучше доброй ссоры. Мир, мир и мир, не уставал повторять этот гениальный старик и с этими словами умер[48]. Это положение нам особенно следовало бы запомнить. И оно было бы усвоено и проведено в жизнь, если бы люди были разумными существами, управляемыми мудростью. Но увы! В своем поведении и истории люди предпочитали 2 × 2 = 4–2 × 2 = 5. Так было до сих пор. Так, полагаю, будет и впредь еще долго. Это звучит парадоксом, но, увы, не столь далеким от действительности[49].

2. ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА СВОЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ

В предыдущей главе я охарактеризовал влияние войны на состав населения. Теперь в двух словах очерчу ее влияние на поведение выживающих людей, на их свойства и поступки или рефлексы. И в этом отношении влияние войны огромно. Она совершенно деформирует поведение, переживания и поступки как самих воюющих армий, так и гражданского населения. Эта деформация покоится на биологическом принципе: функция создает орган; выполняемый акт рикошетом отражается на душе и организме выполнителя. Только наивные люди могут думать, что совершаемые нами акты проходят для нас (и для других) бесследно. Это не так. «Каждый поступок, каждое слово, брошенное в этот вечно живущий и вечно творящий мир, — это семя, которое не может умереть»[50]. Наши действия рикошетом накладывают штамп на нас самих, по своему образу и подобию преобразуют нашу душу, тело и все поведение[51]. Тем более относится это к актам и поступкам, прививаемым войной.

[48] См. его «Основную конституцию человеческого рода». Есть рус. перевод.

[49] См. более подробное развитие отдельных положений о роли военного отбора в работах *Novicow.* Les luttes entre sociétés humaines. — Paris, 1904; *Lapouge.* Les selections-sociales, 1896; *Vaccaro.* Les bases sociologiques du droit et de l'Etat, 1898; *Nicolai.* Die Biologie des Krieges, 1919; указ. работы Jourdana, Otlet и др.

[50] *Карлейль.* Sartor Resartus. — М., 1902. 41.

[51] См. подробно об этом: *Сорокин.* Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп. Вестн. воспитания и изучения личности,

Являясь, по существу, полной противоположностью мирной жизни, война прививает населению свойства и формы поведения, совершенно обратные первой. Мирная жизнь тормозит акты убийства, насилия, зверства, лжи, грабежа, шпионства, подкупа, обмана и разрушения. Война, наоборот, требует их, прививает эти рефлексы, вызывая их к жизни и всячески благоприятствует их успеху. Убийство, разрушение, насилие, подкуп, ложь, обман и разорение врага она возводит в доблесть, в заслугу; выполнителя их возводит в герои, вместо наказания награждает за них, вместо порицания дарит славой. Мирная жизнь развивает инициативу, продуктивную работу, творчество, личную свободу; война вызывает: беспрекословное подчинение, безответственную покорность (дисциплина), душит личную инициативу и личный почин («повинуйся, а не рассуждай»!) аннулирует личную свободу (военные положения, суды и безаппеляционные приказы), прививает и приучает к чисто разрушительным актам, отрывает и отучает от мирного продуктивного труда. Мирная жизнь внедряет в население и укрепляет в нем переживания и поступки благожелательного отношения к людям, любви, уважения к личности, ее правам, свободе и достоянию. Война — это аппарат, направленный на искоренение в людях этих рефлексов и переживаний, аппарат, прививающий и укрепляющий переживания и рефлексы злобы, ненависти, разрушения, неуважения к жизни, свободе, правам и достоянию личности.

Мирная жизнь создает условия и благоприятствует могучей работе мысли в области науки, искусства и культуры вообще. Война душит ее. Она накладывает оковы на свободу мысли, гнетет ее и давит тысячью путей и способов.

«Где борьбу решает насилие — все равно: насилие ли пушек или грубое насилие нетерпимости — там победа мудрых, положительная селекция по силе мозга (и самая работа мысли) затрудняется и делается невозможной»[52]. Своими эксцессами она выводит из равновесия нервную систему населения и повышает процент душевнобольных[53]. Своими лишениями и обеднением она материально или механически затрудняет рост науки и культуры. Словом, деградируя насе-

1921. Кн. 3; *Его же.* Система социологии. Т. I. 176–193; Т. II. 149–161.

[52] *Nicolai.* Ц. р. 83–84.

[53] См. о повышении душевн. заболеваемости в Петрограде за годы войны. *Горовой-Шалтан.* К вопросу о душ. забол. населения при соврем. условиях. Врач. дело 1 ф., 1921; *Осипов.* О душевн. заболев. в Изв. Здравоохран. Петр. Труд. Ком., 1919. № 7–12.

ление биологически и морально, война деградирует население и интеллектуально.

Такова вкратце деформирующая роль войны в этом отношении. Было бы чудом, если бы она прошла бесследно для населения. Было бы чудом, если бы убийца и зверь во время войны мог не явиться им и после войны, было бы странно, если бы отрицание жизни, прав, ценности человека, его свободы и достояния, воспитываемые войной, особенно длительной, не проявлялись бы так или иначе и после войны. Было бы непонятно, если бы стадность, рабское повиновение «пьяных илотов», грубая сила как верховный судия, игнорирование права и морали, разрушительные инстинкты и др. детища войны не дали себя знать и после нее. Не удивляйтесь же, если после крупных войн вы встречаетесь в стране с повышением преступности, с бандитизмом, с группами отвыкших от мирного труда грабителей и наемных убийц, разрушительными актами масс, с расцветом насилия, с ослаблением и крушением права и морали, с падением мирного труда и его продуктивности, со спекуляцией, ложью и обманом, с бунтами и массовым разгулом грубой силы, с имущественными захватами, с общим обеднением, одичанием, озверением и ростом невежества. Ищите их причины в войне. Она их порождала и не может не порождать. Они — ее детища, плоть от плоти и кость от кости. Создающий войну создает и их.

Особенно сильны подобные эффекты при гражданской войне. В смысле деформации поведения населения ее результаты гораздо более горшие, чем результаты общей войны.

Нужно ли говорить, что это изменение поведения населения, вызываемое войной, нередко порождает настоящие социальные катаклизмы и всегда проявляется в крупнейших сдвигах в области общественной жизни.

3. Влияние войны на общественную организацию

Теперь в двух словах очерчу влияние войны на общественную организацию. Раз война изменяет состав населения и его свойства, то она не может не менять самой структуры общества. Главнейшее следствие войны в этой области состоит в том, что она деформирует организацию общества в сторону военного социализма.

Под идеальным или предельным военно-социалистическим обществом я разумею агрегат, характеризующийся: 1) беспредельно неограниченным объемом правительственного вмешательства, опеки и ре-

гулировки всей жизни и взаимоотношений подвластных, начиная с отношений экономических и кончая отношениями религиозными, правовыми, эстетическими и т. д.; 2) ничтожным объемом автономии и самоопределения подвластных во всех сферах поведения и взаимоотношений; 3) в известной мере уравнительным деспотизмом. В таком обществе власть неограниченна. Нет границ объему ее вмешательства в жизнь граждан и ее регулировки. Усмотрению и автономии подвластных здесь нет простора. Как солдаты в строю, они имеют только одну обязанность: безусловно повиноваться велениям власти. Они не автономные личности, а манекены, приводимые в движение издаваемыми повелениями. Сообразно с этим о свободе личности здесь не может быть и речи. Равным образом исчезают частная инициатива, неприкосновенность прав собственности и т. д. Говоря юридическим языком, в таком обществе совершенно нет частноправовых отношений, а все отношения здесь имеют публично-правовой характер. Сами же публично-правовые отношения обычно характеризуются при этом уравнительным деспотизмом, эксплуатацией не в пользу отдельных лиц, а в пользу государственной власти и т. д.

Таково вкратце идеальное военно-социалистическое общество. В стороне остается только социализм совершенно добровольный, свободный, устанавливаемый свободным желанием кооперирующих лиц, без всякого принуждения. Война при равенстве прочих условий изменяет организацию общества именно в сторону приближения ее к данному идеальному типу[54]. Связь между ними была замечена и обстоятельно формулирована уже г. Спенсером в его гениальной (но до сих пор еще не оцененной) теории военных и промышленных обществ. К ней за подробностями я и отсылаю читателя[55]. Я проверил эту теорию Спенсера и в существенном нахожу ее вполне верной,

[54] Помимо войны есть и другие факторы, порождающие этот тип общества и содействующие его развитию. В ряду их главное место принадлежит голоду, происходящему при наличии резкой имущественной дифференциации. Подробное исследование и доказательство этой связи дается мной в моем исследовании, приготовленном к печати: «Влияние голода на поведение людей и общественную жизнь». Достаточно учета этих двух факторов — войны и голода, — чтобы стали понятными почти все опыты возникновения, развития и упадка военно- или принудительно-социалистических обществ, имевших место в истории, и почти весь ход кривой военно-принудительного социализма, ее подъемов и падений в истории множества народов.

[55] См. *Г. Спенсер.* Основания социологии. — СПб., 1898. Т. I. 347 и сл.; Т. II. Гл. XVII–XIX ч. V и гл. XXI–XXIV ч. VIII.

хотя и неполной. Спрашивается: почему же война повышает кривую принудительного социализма? По многим причинам. Во-первых, потому, что при равенстве прочих условий военно-социализированное, или дисциплинированное, общество, превращенное в единую военную машину, повинующуюся командованию власти, при войне имеет больше шансов на победу и выживание, чем общество децентрализованное, недисциплинированное, не превращенное в единую армию, в один вооруженный лагерь. Рост этих шансов на выживание в борьбе за существование группы вел и ведет сознательно или бессознательно к усилению военного социализма при наступлении войны.

Во-вторых, мы видели, что война уносит лучших. Если она длится долго, то значительная часть лучших гибнет. Гибель лучших — наиболее сильных, волевых, энергичных и одаренных — элементов населения означает уменьшение сил общества, противодействующих естественной тенденции всякой власти к абсолютизму, деспотизму и неограниченному расширению регулировки. Выживающая «слякоть» не может бороться с этой тенденцией так, как могла бы бороться погибшая на войне лучшая кровь народа. У остающихся людей 2-го и 3-го сортов нет ни той энергии, ни тех талантов, ни той любви к свободе и умения отстаивать свои права, какой обладали погибшие. «С этой „слякотью“ умелые властители могут делать что угодно, не встречая энергичного отпора. „Слякоть“ будет роптать, но ропот не перейдет в восстание, а если и перейдет, то даст только неорганизованные вспышки. После двух-трех неудачных попыток „слякоть“ покорно наденет ярмо и примирится с своей долей. От нее и потомство будет второсортное, а это обстоятельство еще более благоприятствует росту опеки власти»[56].

Мудрено ли поэтому, что после всех кровавых и длительных воин, особенно революционных и гражданских, абсолютизм, деспотизм и вмешательство власти росли, автономия и свобода подвластных падали. Так было в Спарте и Афинах, в Македонии и Риме, в средневековых государствах, в Австрии Иосифа II, в Пруссии Фридриха II, в Англии при Кромвеле, во Франции во время и после воин революции и Наполеона, у нас при Петре и после него и т. д.

В-третьих, мы видели, что война и милитаризм прививают населению определенные рефлексы и привычки. Казарма и военный строй — это школа рабского повиновения. У солдата нет воли. Он — слепой исполнитель приказов. У него не должно быть личности: военная дисциплина все это стремится вытравить. Солдат — простой материал,

[56] *П. А. Сорокин.* Система соц. Т. II. 136.

которым распоряжается власть. Рядом с этим война прививает акты неуважения к жизни и «правам человека и гражданина», она совершенно отрицает их и т. д. Все эти черты при войне, особенно длительной, переносятся на все общество. Оно становится простой осажденной крепостью, общественная организация которой всегда была типом военного социализма. Права и объем власти — будет ли это власть Чингисхана, Цезаря, Диоклетиана, Фридриха II, Петра I, Кромвеля, «Комитета Спасения», Наполеона, Вильгельма II, Ллойд-Джоржа, Романова и др. — все равно (различие наименований — простое различие вывесок) — резко расширяются, она начинает вмешиваться во все, население теряет автономию, его свободы ограничиваются, состояние и права также, самоопределение отрицается, протесты подавляются, пресс правительственного давления усиливается, место нормального состояния занимают «усиленные, чрезвычайные, военные и осадные положения»; словом, получается резкий сдвиг в сторону военного социализма; кривая последнего делает резкий прыжок вверх, тем больший, чем тяжелее, грандиознее и продолжительнее война.

Этих соображений достаточно, чтобы понять, почему война порождает и усиливает военный социализм.

Согласно положению одинаковые причины в сходных условиях должны давать сходные следствия. Я проверил эту гипотезу на множестве повторяющихся фактов и на данных истории и нахожу ее вполне обоснованной[57]:

1) сам строй войска и армии был, есть и будет строем резко военно-социалистическим;
2) социальная организация военных и осажденных крепостей близка к идеальному типу военно-социалистического общества;
3) из первобытных народов народы, постоянно воюющие, имеют тип общества резко военно-социалистический, народы мирные — далекий от него. Примером первых может служить военное государство инков;
4) древние государства, часто воевавшие, каковы деспотии Востока — Египет, Ассиро-Вавилония, Спарта, Липара и др., были обществами, ясно выраженного военно-социального типа;
5) то же относится и к Риму периода конца республики, принципата и особенно III–IV вв.;

[57] При первом взгляде как будто бы дан ряд фактов, противоречащих ей. Но эти «противоречия» либо чисто мнимые, либо объясняются наличием сильного фактора, депрессирующего указанные следствия войны.

6) средневековые принудительно-социалистические государства и города: Табаритов, коммуна Ф. Мюнцера, Новый Иерусалим И. Лейденского и т. п. имели чисто военное происхождение;
7) в одном и том же народе кривая принудительного социализма поднималась в эпохи длительных и тяжелых внешних и внутренних войн и падала в эпохи мира. Подтверждение тому дают: Рим после войн с Карфагеном и конца республики, приведших к гибели последней, Рим III–IV вв., целый ряд средневековых государств, в более новое время — Австрия Иосифа II, Пруссия Фридриха II, Франция Ришелье, Людовика XIV и особенно эпохи революционных войн и Наполеона, Россия периода Петра и после Отечественной войны 1812 г. и т. д. В наши годы мы — прямые наблюдатели и участники этого процесса. С 1914 г. кривая «государственного социализма» = военному социализму во всех воюющих странах, вплоть до свободной и индивидуалистической Англии и С.-А. С. Штатов (с момента их вступления в войну), полезла вверх и тем резче, чем шире развертывалась война, чем труднее было положение страны. Кончилась война, и мы видим, как эта кривая на Западе пошла вниз (денационализирование промышленности, работавшей на войну, отмена госконтроля и регулировки, уничтожение регулировки питательных благ, карточной системы etc., отмена военных положений и ограничений свободы слова, печати и т. п., восстановление Habeas Corpus Act'a и т. д.).

Чрезвычайно поучительно и красноречиво в этом отношении движение кривой военного социализма у нас за эти годы. Раз во всей нашей истории мы были народом милитаристским, тем самым мы должны были быть и были фактически обществом с сильно выраженным военно-социалистическим характером. Военный социализм вошел, так сказать, в «плоть и кровь» нашего народа. Уровень этого социализма у нас за последние два столетия стоял очень высоко. Абсолютизм, деспотизм и централизация старого режима — первые свидетельства сильного приближения нашего общества к типу военно-социалистическому; отсутствие прав, свободы и автономии личности при старом режиме — другие свидетельства того же; малое развитие индивидуализма, личного почина, стадность населения, его привычка к повиновению — третьи. Всей нашей историей, особенно при Петре и после Петра, мы дрессировались в направлении военного социализма. Разразившаяся война в нашем лице нашла прекрасно подготовленную почву для пышного культивирования своего обычного детища — военного социализма. Сразу же кривая последнего резко

пошла вверх. Скоро прибытие законного спутника войны — голода — усилило еще более подъем этой кривой, особенно в области экономико-продовольственной. Наш военный социализм — плоть от плоти и кость от кости нашей предыдущей истории, отмеченной печатью войны и голодовок. Война только выявила это свойство нашего общественного организма. Голод — при наличии до 1918 г. имущественной дифференциации — помог войне. В итоге, военный социализм как таковой был неизбежен, и попытки бороться с ним были обречены на крушение. Гражданская война вопреки ожиданиям многих должна была усилить, а не ослабить его рост. Мы были зрителями этого процесса. В 1920 г. война кончилась. И что же мы видим? Видим быстрый процесс «денационализации», «десоциализации»[58]. На место разрушенного капитализма начинает возрождаться новый. Наблюдая эти явления, нельзя не вспомнить изречение Боссюэта, перефразировав его: «Люди волнуются, а законы необходимости руководят ими». Люди думают, что это они направляют общественный корабль; на деле же (в данном случае) голод и война управляют ими самими. Пошла кривая войны на убыль... и начались новые слова и новые речи.

На этом я кончу характеристику влияния войны на организацию общества. Кому нравятся те эффекты, которые вызывает война в населении, в его свойствах и в общественной организации, тот пусть слагает ей дифирамбы. Кому не нравятся — пусть проклинает ее. В мою задачу не входило ни то, ни другое, а только изучение причинно-следственных отношений между войной и ее результатами...

[58] Голод, правда, не ослабел. Но он дает «указанные эффекты» только при наличии имуществ. дифференциации. У нас же поравнено все. Старая буржуазия разорена, новая еще только вылупляется.